

За дверью раздались лёгкие шаги. Ванъэр тихо подошла и увидела Туанъэр, стоящую снаружи с выражением нескрываемой гордости на лице:

— Туанъэр просит аудиенции.

Ванъэр слегка нахмурилась:

— Уже за полночь.

Туанъэр ушла из дворца утром, но специально задержалась, пока не закрылись ворота дворца и города, а затем, воспользовавшись указом императрицы, вернулась. И вот теперь просила аудиенции. Её намерения были очевидны.

Туанъэр бросила на Ванъэр взгляд, игнорируя её сомнения, и повторила громче:

— Туанъэр просит аудиенции.

Ванъэр опустила глаза:

— Подожди немного.

Она повернулась и подошла к императрице:

— Ваше Величество, Вэй Туанъэр...

— Я слышала, — императрица как раз закончила писать, положила кисть на стол и передала пеньковую бумагу Ванъэр. — Уходи, пусть войдёт.

Ванъэр непроизвольно сжала правую руку в кулак, поклонилась и сказала:

— Слушаюсь.

Затем вернулась к двери, передала приказ императрицы и, выйдя, тихо осталась стоять снаружи.

Туанъэр провела внутри почти полчаса, прежде чем вышла с довольным видом. У двери она остановилась, бросив на Ванъэр презрительный взгляд:

— Госпожа велела тебе помочь ей переодеться.

Её голос был тихим, но тон высокомерным, напоминавшим крики Гао Яньфу, который объявлял о проезде императрицы. Не дожидаясь ответа, она развернулась и, гордо шагнув через порог, спустилась по ступеням и села в паланкин, который несли двое слуг. Ванъэр знала, что Туанъэр в последнее время вела себя дерзко, но не ожидала, что та дойдёт до такого. Она глубоко взглянула ей вслед, опустила голову и вошла в зал.

Императрица уже встала. Увидев Ванъэр, она улыбнулась:

— Почему ты так задержалась? Опять поссорилась с Туанъэр?

Ванъэр знала, что их конфликт уже стал известен. Она спокойно подошла к императрице и, помогая ей снять верхнюю одежду, сказала:

— Я видела, как Туанъэр садится в паланкин у ступеней. Кажется, это нарушает этикет, потому

и задержалась.

Императрица ответила спокойно:

— Ночь темна, передвигаться неудобно. Потому я и разрешила ей воспользоваться паланкином. Это не обычная практика, и если южные чиновники не увидят, то ничего страшного.

Ваньэр сказала:

— Если так, может, стоит издать указ, чтобы все во дворце знали? Иначе кто-то невежественный может подумать, что Туаньэр нарушает правила, задержать её или вызвать недовольство цензоров.

Императрица с улыбкой посмотрела на неё:

— Ты не поступаешь в угоду себе.

Ваньэр поклонилась:

— Я служу Вашему Величеству, и мои разногласия с Туаньэр — ради Вашего блага, а не личных интересов. Прошу издать указ также ради Вашего блага, а не из-за личных обид.

Императрица подняла бровь:

— Если всё так, как ты говоришь, то мне стоит серьёзно тебя возвысить?

Ваньэр сняла верхнюю одежду и аккуратно сложила её:

— Самое важное в мире — это Ваше Величество, а самое важное для Вас — это те, кто рядом. Теперь я могу служить Вам каждый день, что показывает Ваше доверие. Если Вы поручаете мне такие важные дела, значит, Вы уже знаете о моей преданности. Такие проверки могут повредить Вашему авторитету.

Императрица пристально посмотрела на неё. Ваньэр знала, что сегодня переступила границу, но, к своему удивлению, не испытывала страха. Она уже не была той Шангуань, которая только что пришла в чертог Цзычэнь. Она служила императрице более двух лет, видела, как та смеялась в радости и гневалась в злости, знала её привычки и тайны. Она знала, что императрица ценит мягкость и покорность, но презирует заурядность. Она знала, что иногда стоит показать свои когти, чтобы вызвать интерес императрицы. Она знала, что наказания за мелкие провинности не были строгими. Она знала, что с приходом нового императора и регентством императрицы ей нужно будет назначить своих людей, чтобы противостоять министрам, и что выходцы из простых семей и дворцовые слуги были хорошим выбором.

Самое главное, она знала, что больше не хочет ждать. Её мучили кошмары, не давая покоя ни днем, ни ночью. Она отчаянно хотела знать, какое место занимает в сердце императрицы. Была ли она важнее Вэй Туаньэр, которая носила фиолетовые одежды, ездила в паланкине и управляла доносами? Что ещё императрица могла дать ей, кроме освобождения от работы в Дворце Етин? Если такая осторожная служба приведёт лишь к жалкому существованию, то зачем она так старается служить своей врагине?

Ваньэр плотно сжала губы, внешне сохраняя почтительность, но внутренне упрямо глядя на императрицу. В худшем случае ей могли назначить наказание палками. Но в чертоге Цзычэнь

это не было редкостью, и палачи знали меру. Для человека её положения сорок-пятьдесят ударов не принесут серьёзного вреда. Максимум, что может случиться, — лишение звания цайжэнь, что, впрочем, устроит матушку. Если же императрица, напротив, оценит её, то это будет ещё лучше. Время перемен — время возможностей. И если она сможет воспользоваться этим, чтобы возвыситься и прославить имя Шангуань, то это будет достойным ответом предкам.

Ваньэр заставила себя не думать о мести. Она знала, что ненависть и случайные жалобы — разные вещи. Последние могут лишь раздражать императрицу, но первые могут стоить жизни — и не только её, но и матушки. Ваньэр знала, что сейчас она слишком слаба, чтобы мстить. Даже если в будущем у неё появится такая возможность, первое, что она сделает, — восстановит честь своего отца и деда. Ваньэр смутно чувствовала, что, возможно, не так сильно хочет мстить, как думала. Она была молода, и впереди у неё было много возможностей, хотя она ещё не знала, что это за возможности. Ей ещё не было двадцати, и будущее было туманным, но полным возможностей. И все эти возможности зависели от императрицы.

Ваньэр посмотрела на сложенную в углу одежду жёлто-охристого цвета — это были императорские одежды, но императрица У носила их открыто. Двадцать лет назад в приграничных землях появилась Чэнь Шочжэнь, женщина, которая провозгласила себя императрицей и подняла восстание. Хотя его быстро подавили, легенды о женщине-императоре продолжали жить в народе. Недавно императрица У снова просматривала документы двадцатилетней давности, особенно внимательно изучая часть о Чэнь Шочжэнь. Ваньэр не верила, что это было просто так.

Она чувствовала, что её мысли путаются. Это было необычно. Наверное, из-за того, что последние месяцы она плохо спала. Она пристально смотрела на императрицу, её сердце билось всё быстрее, а на теле выступил пот.

«Видимо, я далеко не так важна, как Туаньэр», — с грустью подумала она, не понимая, почему чувствует такую сильную подавленность. Она потянула за рукав своей одежды из шуйского шёлка, которую матушка сшила ей ночью. Если ей предстоит наказание, нужно обязательно снять её, чтобы не испортить. Раздеваться при всех неприлично, лучше оставить одежду в боковой зале.

Наконец императрица заговорила. Голос её был мягким, а на лице играла улыбка:

— Я использую тебя лишь потому, что ты ещё на что-то годишься, а не из-за твоей преданности. Если бы я выбирала людей только по их верности, я бы с самого начала не взяла тебя.

Она подняла руку, прерывая Ваньэр:

— Но раз ты так настаиваешь на своей преданности, я дам тебе шанс.

Её улыбка стала шире, но выражение лица напоминало то, что Ваньэр видела в своих кошмарах:

— Сыновья знатных семей ценят законы и репутацию. Твой дед, Шангуань И, когда-то был канцлером и пользовался благосклонностью императора, но ради этих призрачных законов и репутации он уговорил покойного императора развестись со мной. Если ты хочешь доказать свою преданность, разрушь эти законы и репутацию. Если сможешь это сделать — я поверю в твою преданность. Если нет — ничего страшного, я всё равно буду тебя использовать. Но больше не говори о своей преданности. Ты всего лишь трусливая и подхалимствующая мелочь.

Авторская заметка:

Ребёнок вырос.

Она смотрела на человека напротив, и на мгновение в её глазах мелькнуло удивление, но затем уголки губ поднялись в загадочной улыбке.

Когда этот ребёнок родился, Шангуань И был главным министром, пользовавшимся благосклонностью императора. Утром, идя на аудиенцию, он часто прогуливался вдоль водоёма, наслаждаясь луной и декламируя стихи, и при дворе его называли божеством. Мать ребёнка ещё до его рождения распространила историю о том, что ей явился бог с весами. Но родилась девочка, что не обрадовало семью, и потому ребёнка долго не называли полным именем.

<http://bllate.org/book/16278/1467017>